

ГОРОД – МЕГАПОЛИС ИЛИ АГЛОМЕРАЦИЯ?

Как относиться к дискуссии: генеральный план или мастер-план? Как политика влияет на градостроительство? И какой столицей – северной, культурной или «силиконовой» – должен стать наш город уже в ближайшей перспективе? Все эти вопросы обсуждались в рамках круглого стола «Санкт-Петербург. Упущенные возможности сетевой агломерации. Наследие А.И. Наумова».

Во встрече, организованной издательством «Зодчий» при поддержке НИИ Перспективного Градостроительства, приняли участие ученики и последователи выдающегося советского архитектора и градостроителя: заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, генеральный директор ООО «НИИ Перспективного Градостроительства» **Сергей Митягин**, управляющий директор Российского института градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор», действительный государственный советник РФ 2-го класса **Елена Чугуевская**, экс-председатель Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга **Александр Викторов**, бывший главный архитектор Ленинградской области, экс-глава регионального Комитета по архитектуре и градостроительству **Евгений Домрачев**, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская С.Ю. Бобылева» **Сергей Бобылев**, руководитель проектов ООО «Северо-Запад инвест» **Владимир Жуйков**, а также директор НП «Серебряное кольцо России» **Николай Иевлев** и старший научный сотрудник Института государства и права РАН, партнер юрфирмы *Dentons*, руководитель проекта «Сохраненная культура» **Виктор Наумов**, внук Александра Ивановича Наумова.

Талант провидца и градостроителя

Сергей Митягин, заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, генеральный директор ООО «НИИ Перспективного Градостроительства»:

– Наша встреча связана с именем Александра Ивановича Наумова, крупного советского архитектора, градостроителя, автора трех генеральных планов Ленинграда. Вся его жизнь была связана с нашим городом. И если сегодня мы посмотрим на многочисленные проекты и разработки Наумова – даже его дипломная работа была посвящена Ленинграду, – то увидим, как развивался наш город в XX в. Как двигался на юг, потом на север – в зависимости от того, где проходила государственная граница. Как разрабатывались варианты западного и восточного направления, развития вдоль Невы, по берегам рек. Какая роль отводилась популярным в советское время городам-спутникам. Все это есть в генеральном плане 1966 г. и в более ранних работах Наумова. И в генеральном плане Ленинграда 1987 г., принятом уже учениками Александра Ивановича, но при его непосредственном участии – влияние было очень серьезным, консультации шли постоянно.

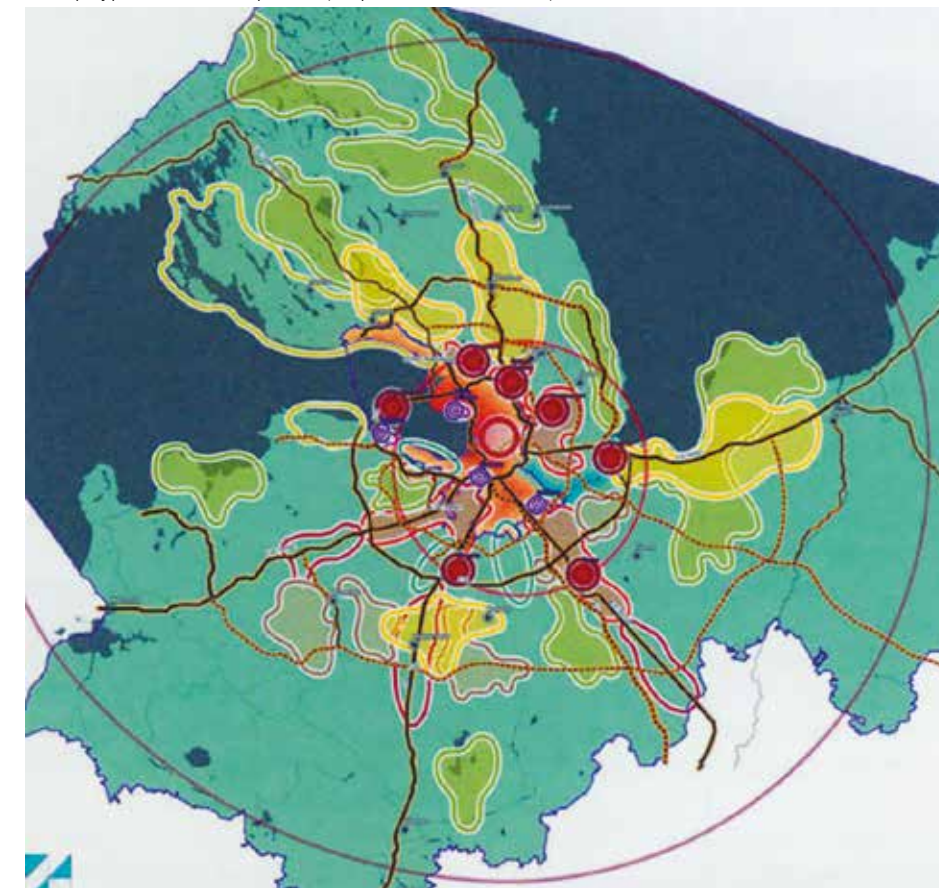
Все это можно взять и сравнить с тем, что мы имеем сейчас. Оценить, как развивается наш город и прилегающие к нему территории в конце XX и начале XXI в. Увидеть, как теряются «зеленые коридоры», заложенные еще Барановым и Наумовым, и с грустью констатировать, что этот процесс продолжается и сегодня. И если обратиться к названию нашего круглого стола, то мне кажется, что возможность формирования сбалансированной сетевой агломерации Петербургом была упущена.

Евгений Домрачев, главный архитектор, председатель Комитета по архитектуре и градостроительству Ленинградской области 2010–2018 гг.:

– Я бы не говорил, что все плохо, хотя в новейшее время действительно происходит мало хорошего. Однако те ключевые моменты, которые были заложены Наумовым в первом, еще довоенном плане, а затем в генеральных планах 1948 и 1966 гг., по сути, реализованы. И довольно успешно. Это и Дуговая магистраль, и развитие вдоль Невы, и выход к заливу, и южное направление. Достаточно взять одну только Московскую площадь, чтобы оценить его талант провидца и градостроителя.

И на этом фоне становится абсолютно понятно, что происходит сейчас. Как

Современная модель
Петербургской агломерации (из работ НП «ЭНКО»)

утверждался генеральный план 1966 или 1987 г.? На уровне ЦК КПСС и Совета министров – вот наглядное доказательство значимости документа! Его исполняли, с ним работали. А сегодня генплан аморфный, его можно повернуть и так, и по-другому. Он вообще ничего не диктует, а решает сиюминутные задачи: разгрузить, расширить узкие места, как это понимают власти префектуры, как это нужно и удобно инвесторам. Бизнес правит бал. Комитет по градостроительству – слово «архитектура» из названия уже убрали – превратился в юридическую службу по сопровождению инвестиционно-строительной деятельности.

Владимир Жуйков, руководитель проектов ООО «Северо-Запад инвест»:

– Согласен, роль комитета по архитектуре и главного архитектора в советское время была несравнимо выше, чем сейчас. Он в полной мере контролировал проектный процесс, формировал концепцию генерального плана и отстаивал ее перед партийным начальством. Хотя и тогда это было непросто. Я помню, Александр Иванович Наумов рассказывал историю, как проектировался Московский проспект. В первом варианте он был как Елисейские поля, раза в полтора шире, чем мы привыкли его видеть. И вот архитекторы пошли к первому секретарю

обкома, а тот взял синий карандаш и прямо сверху жирно нарисовал: будет вот так! И все, убедить его оказалось невозможно. Конечно, это дискуссия сомнительного свойства, но она была. А сегодня генплан превратился в документ, отражающий противоборство сторон: инвесторов, градозащитников, депутатов. Идет борьба: кто кого перетянет и внесет нужные поправки. Предмет генерального плана стал таков, что в нем нет места для творческой концепции, серьезной градостроительной идеи.

Сергей Бобылев, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская С.Ю. Бобылева»:

– Роль архитектора сведена к оказанию услуг, а по сути, идет постоянное «перекрашивание» территорий – в угоду инвесторам меняется их назначение. Вот живой пример: в среду состоится Градсовет, правительству предлагается рассмотреть строительство жилого дома на углу Черной речки и Большой Невки. Думаю, все представляют это место, там два особняка, один исторический памятник, другой тоже – вновь выявленный. Совершенно очевидно, что перед ними надо сделать сквер, и пусть памятники стоят и сквозь эту прозрачную зелень отлично просматриваются. Тем более дальше, за ними, намечается еще одно строительство – большой квартал.

Казалось бы, чего тут вообще обсуждать? Какой жилой дом? Спрашиваю руководителей, отвечающих за территориальное зонирование: «Почему эта территория не отнесена к рекреации?» Ответ: «Мы устали бороться, на комиссии принимают решение без учета мнения профессионалов». Вот и все градостроительство.

Слово есть, закона нет

Александр Викторов, председатель Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга 2004–2008 гг.:

— Сегодня мы можем только завидовать нашим учителям, и в частности Александру Ивановичу Наумову: он мыслил широко и глобально. Он не смотрел на Ленинград как на структурную единицу с жесткими границами, он смотрел на развитие: куда дальше. И не боялся «залезть» в область. А разделение на соседние субъекты, очень жесткое с точки зрения межбюджетных отношений, сильно осложнило перспективы дальнейшего развития нашего города. В аналогичной ситуации оказалась Москва, а теперь еще и Севастополь. Потому что сейчас мы имеем два документа: схему территориального планирования Ленинградской области и Генеральный план Санкт-Петербурга. Это, по сути, разные документы. Как их совместить? Да, мы внесли необходимую поправку в новый Градостроительный кодекс, это произошло, когда я еще в Минрегионразвития работал – сейчас этого министерства уже не существует. И звучала поправка очень просто: в случае необходимости возможна разработка документов территориального планирования двумя и более субъектами. Но пока я нигде не видел такого совместного документа и даже не слышал о таком. Потому что дальше начинаются вопросы бюджета: ведь не может один регион вкладывать свои средства в развитие другого.

Слово «агломерация» мы повторяем уже много лет, но с точки зрения современного российского права его нет. А в СССР этого слова не знали – оно позже появилось, мне кажется, но сам процесс шел. Александр Иванович Наумов мыслит именно агломерацией. Я в институте у него учился, на средних курсах он преподавал, обучал нас, тогда еще маленьких, мало что понимавших.

Сейчас мы много говорим о стратегии пространственного развития, и в законодательстве это понятие есть. Но тогда и понятие «агломерация» надо вносить, чтобы наконец понимать, как будут складываться межбюджетные отношения. А пока вопросы агломерации не нашли своего отражения в законодательстве, никакого реального движения не будет.

Николай Иевлев, директор НИИ «Северное кольцо России»:

— Кстати, о соседнем субъекте. Мы с коллегами уже достаточно давно занимаемся разработкой генпланов поселений в Ленинградской области. В 2005 г. нам пришлось поработать над генеральным планом нового населенного пункта вблизи Усть-Луги и над схемой территориального планирования района самого Морского порта. По факту это был первый проект, сделанный по нынешнему Градостроительному кодексу, который вступил в силу именно тогда, в 2005 г. Мы оказались пионерами, в итоге получили интересный, инновационный в содержательной части, градостроительный продукт. Ограничений для нас как для разработчиков практически не было. С ними мы столкнулись потом, когда дошли до территориального планирования территорий, муниципальных образований, прилегающих к Санкт-Петербургу. Но в целом впечатление такое: архитектурному сообществу не хватает не только «правильных» законов, хотя они, бесспорно, важны. Не хватает еще настоящих споров, «разборок» в хорошем смысле этого слова. Потому что, когда дискутируют профессионалы, в их споре рождается истина. А когда есть

только воля заказчика, спорить с ним бесполезно. Это ни к чему хорошему и современному не приведет. Разве что за редким исключением, когда заказчик сам «приблел» инновациями в области урбанистики и градостроительства.

Нам не хватает политической воли

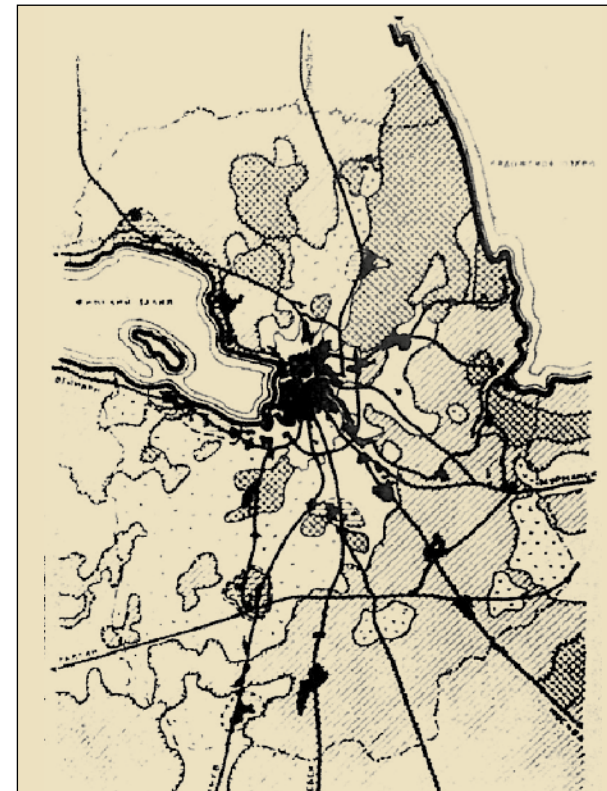
Сергей Бобылев, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская С.Ю. Бобылева»:

— Пропал пафос градостроительного развития Петербурга. Если раньше все было очевидно: окно в Европу, водные артерии, судостроение, вся остальная промышленность, то теперь ничего непонятно. Какие земли осваивать, для чего? Ни у бизнеса, ни у власти нет четкого понимания, как и куда будет город развиваться, не в территориальном смысле, а в плане концепции: что за агломерацию мы строим, для чего она вообще существует? И это отсутствие понимания сквозит даже в мелочах. Недавно видел по телевизору сюжет: врио губернатора Петербурга Александр Беглов выступает по поводу какого-то конкретного микрорайона, мол, никто не знает, что здесь надо сделать, сколько детских площадок построить, какой детский сад открыть, хватает ли здесь озеленения. И вывод: надо спросить у народа, чего он хочет. Но это же элементарно! Любой архитектор определит, чего в этом районе не хватает, потому что есть норматив, здравый смысл, профессиональный подход, наконец. Но к архитектору никто не обращается, а вот народ надо спросить. Это же абсолютная манипуляция. И сразу возникают вопросы: какие цели преследуются, ради чего это делается? Почему у власти такое недоверие к архитекторам?

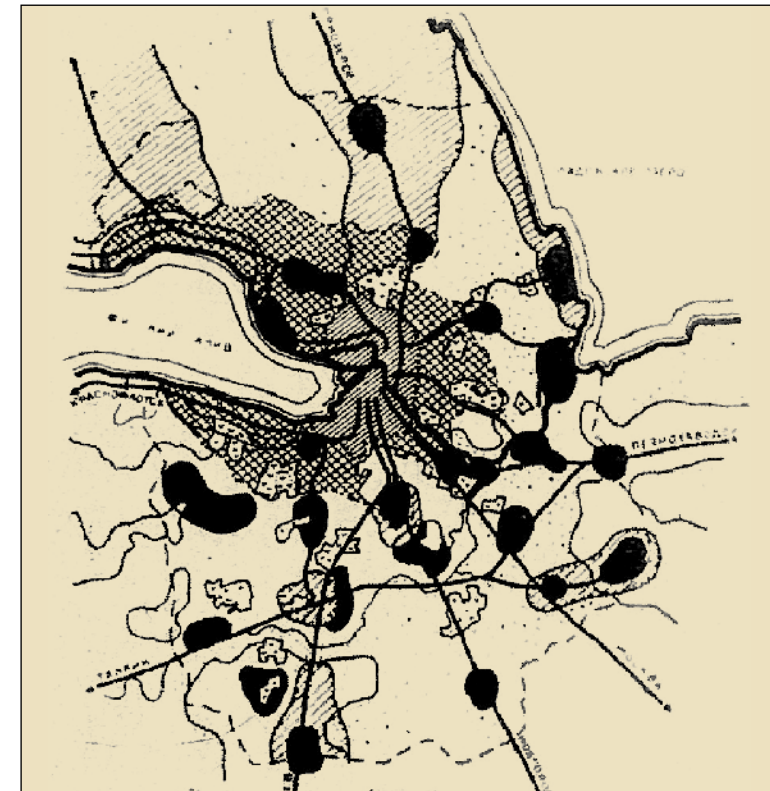
Евгений Домрачев, главный архитектор, председатель Комитета по архитектуре и градостроительству Ленинградской области 2010–2018 гг.

— Это вопрос политической воли. Любое градостроительство – ее матери-

Модель градостроительного развития пригородной зоны (из личного архива А.И. Наумова)

Сложившиеся зоны отдыха к 80-м годам XX века (из личного архива А.И. Наумова)

альное выражение. Если политическая воля в наличии, как это было у Петра I, то строится великий город, в который привлекаются мощные инвестиции и все лучшие на тот момент технологии. Возьмите историю градостроительства: все шедевры прошлых веков создавались в условиях авторитарных режимов. Я всем коллегам советую: прочитайте «Историю городов будущего» Дэниэла Брука. Это американский урбанист, но свою книгу он начинает с Петербурга, пишет про Мумбай, Шанхай и заканчивает Дубаем. Потому что именно эти города являлись двигателями прогресса в своих странах и выражением политической воли своих властителей. Взять тот же Дубай: там вся система построена так, чтобы сохранить свой народ, – в Арабских Эмиратах всего полтора миллиона человек. И это абсолютно четкое проявление я воли.

Или давайте вернемся в советский Ленинград, откроем генеральный план 1966 г., который делал Александр Иванович Наумов, кстати, мой непосредственный учитель: я писал у него кандидатскую, о чем всегда с гордостью вспоминаю. Так вот, у Наумова в генплане была стратегия, которая давала направления развития и территориального планирования, в том числе, городов-спутников. Все они имели определенную направленность: Колпино – промышленность, Петергоф – наука, Пушкин и Павловск – интеллектуальный, туристический, культурный центр, там нет ни одного вредного производства. А сегодня? Чего мы строим в глобальном смысле? Никто не может нам это сформулировать. Есть у России стратегия социально-экономического развития? Формально есть, но как она реализуется через градостроительство? У нас сегодня бюджет принимается

на год, максимум на три. Что дальше – неизвестно, горизонт планирования очень короткий. А генплан должен делаться на 20 лет вперед.

Сергей Митягин, заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, генеральный директор ООО «НИИ Перспективного Градостроительства»:

— Москва сейчас поднимает на щит мастер-план как некий противовес генеральному плану. Обсуждаются стратегии пространственного развития, концепции. По сути, это все одно и то же, но лишнее нужной технической конкретики. В среду мне предстоит поехать в Москву, в Российскую академию архитектуры, там выступать на отделении градостроительства. И я буду констатировать кризисные явления в нашей области. Потому что продвигаемый москвичами мастер-план как раз показатель таких явлений.

У нас в стране практически нет новых городов, кроме Усть-Луги, нового космодрома, порта Сабетта. Все остальные существуют достаточно давно. И вот мы начинаем новый генеральный план – вопрос о нем стоит сейчас в Петербурге. Предположим, мы выиграли это дело по конкурсу. И первое, что мы делаем, это начинаем собирать исходные данные, анализировать ситуацию, искать проблемы и согласовывать эти исходные данные с теми, кто их дал. Затем проблемы, которые увидели, пытаемся донести до местного сообщества. Время тратится, полгода ушло. А если бы велся дежурный план, как это делалось раньше в нашем городе, все бы происходило значительно быстрее. И времени на разработку уходило бы меньше, а то мы годами генеральные планы обсуждаем и согласовываем. Он уже устарел, пять лет прошло, а его только начинают утверждать.

Все дело в земле

Евгений Домрачев, главный архитектор, председатель Комитета по архитектуре и градостроительству Ленинградской области 2010–2018 гг.:

– То, о чем говорит Сергей Дмитриевич Митягин, – прямой результат нынешней политики: теперь все делается по конкурсу. А я убежден: нельзя приравнивать закупку скрепок и карандашей к научно-технической продукции, которой является Генплан. Потому что уровень исполнения падает катастрофически. Хочется вспомнить, сколько людей раньше трудилось над генпланом, – серьезные мастерские, полтора десятка

одних специальностей: архитекторы, инженеры, экономисты. А сегодня? Сергей Юрьевич Бобылев, ответьте: сколько у вас специалистов работает в мастерской над вопросами генерального плана?

Сергей Бобылев, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская С.Ю. Бобылева»:

– Сейчас вообще не требуется специалистов для принятия решений. Даже развивая территории, никто не спрашивает, с какой частотой и в каких границах могут они затапливаться: 1% или 5%? Всех интересует только кадастр и стоимость. Земля в России стала товаром. А результат? Я тут аналитические материалы смотрел: за границей до 82% доходов бюджета – налог на землю. Для сравнения: знаете, сколько у нас собирается? Два процента! И это не просто проблемы с администрированием налогов. Непонятно вообще, как и под каким соусом это происходит. У меня масса заказчиков, которые вообще не знают, что с купленной землей делать. Спрашивают, нет ли у меня покупателя.

Сергей Митягин, заслуженный архитектор РФ, член-корреспондент РААСН, генеральный директор ООО «НИИ Перспективного Градостроительства»:

– В свое время мы предлагали Михаилу Сергеевичу Горбачеву не приватизировать земли, ездили на встречу, американцев-джорджиотов к нему возили, чтобы убедить, – не помогло. Видимо, интересы были другие. Нашлись brave ребята, которым земля нужна была для капитализации своих интересов. Рычаг управления градостроительством был потерян.

Евгений Домрачев, главный архитектор, председатель Комитета по архитектуре и градостроительству Ленинградской области 2010–2018 гг.:

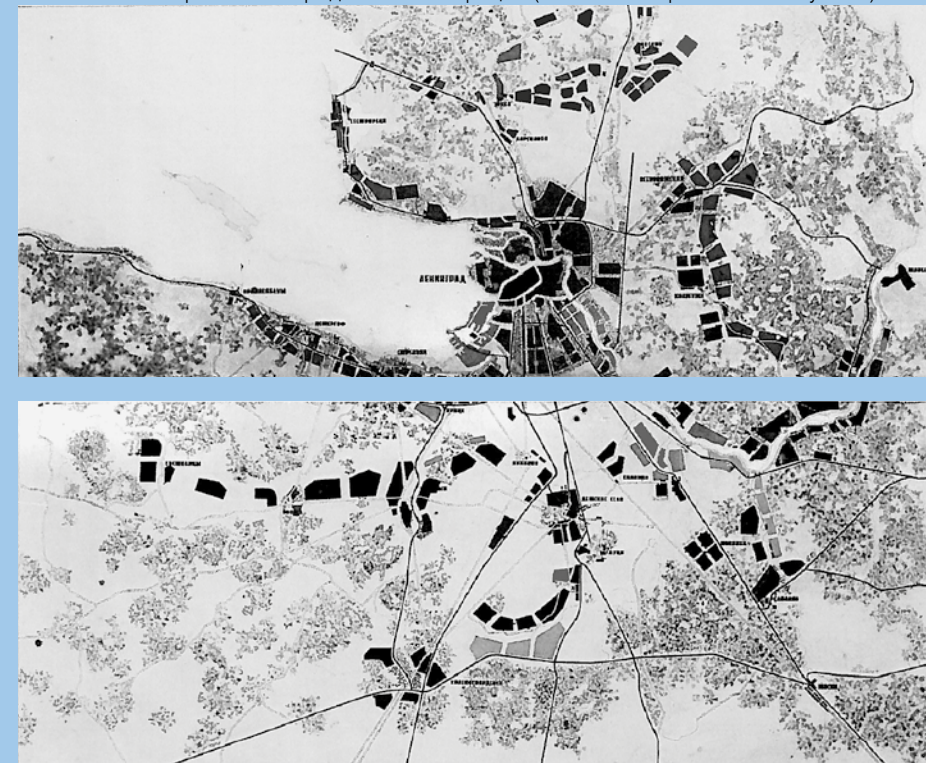
– И здесь, я вам скажу, все опять упирается в политическую волю. Потому что есть ее примеры. Единственный субъект РФ – Белгородская область, где у губернатора Евгения Савченко наличествует политическая воля, и те, кто к нему приходит с переводом земли, получают достойный ответ. Он им говорит: извините, но я воспользуюсь преимущественным правом субъекта на выкуп этой земли по цене сельхозугодий, 6 рублей за метр. Берет, как тут говорили, синий карандаш, и рисует. Уже очертил зону 30 километров от Белгорода. И ходить к нему перестали.

Трудности перевода

Елена Чугуевская, управляющий директор Российского института градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор», действительный государственный советник РФ 2-го класса:

– Давайте вернемся к вопросу о соотношении генплана и мастер-плана, о чем уже говорил сегодня Сергей Дмитриевич Митягин. Создание и запуск новых документов всегда очень сложный процесс, и в правовом поле, и в финансовом, и в управленческом. Поэтому я – за улучшение и трансформацию существующих. Хотя генеральный план на сегодня – тоже несовершенный инструмент, в нем есть некоторые, неразведенные законодательством моменты, которые приводят к проблемам его исполнения.

Схема сетевого развития городской агломерации (из личного архива А.И. Наумова)

В частности, генеральный план не разведен и не разделен с Правилами землепользования и застройки (ПЗЗ). Хотя сегодня в Градостроительном кодексе зафиксировано, что ПЗЗ подготавливаются с учетом генерального плана, но правового мостика по взаимосвязям между двумя этими документами ни в кодексе, ни в методических рекомендациях нет.

Законодательно не установлены и виды функциональных зон в генплане. Вот и получается, что карта функционального зонирования, определяющая перспективное развитие города, сливается с картой территориального зонирования,

которая является тактическим инструментом. В итоге мы в генеральный план вносим по 300, 400, 500 текущих замечаний, уточнений, изменений с подробностями вплоть до границ земельных участков отдельных объектов. При этом генплан теряет свою сущность, перестает работать как документ стратегического планирования, как комплексная пространственная расчетная модель развития города.

А мастер-план – это образ проекта, который каждый трактует по-своему. Профессиональные градостроители воспринимают мастер-план как некую кон-

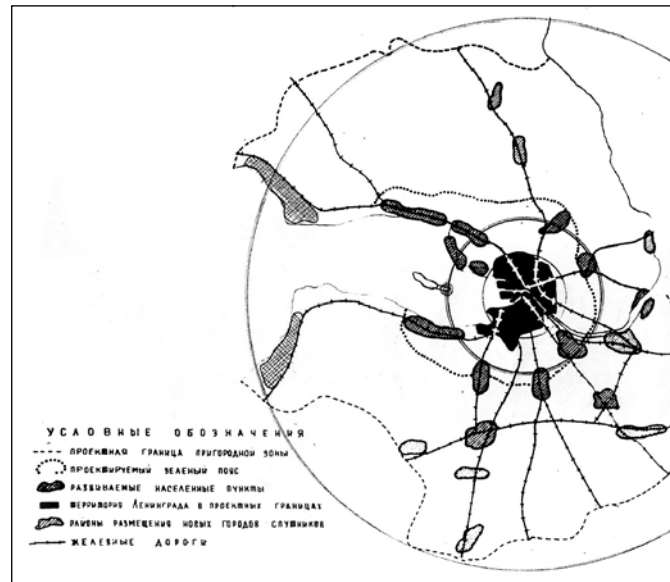
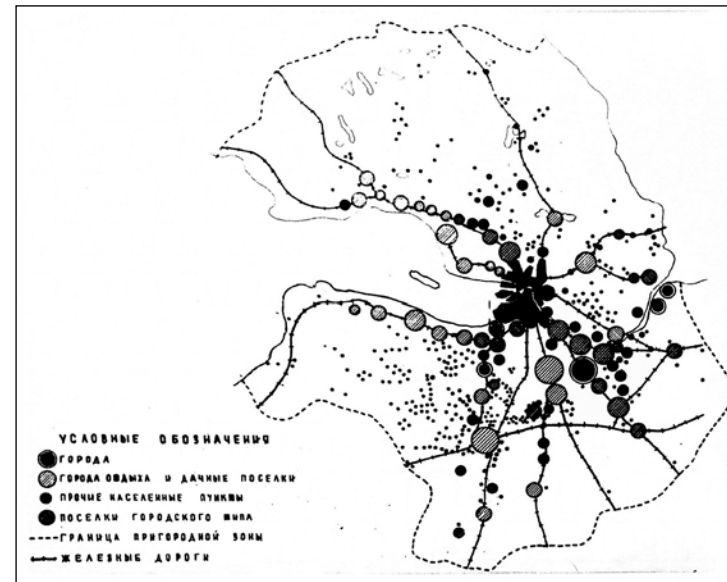
цепцию, которая должна предшествовать генеральному плану. Нельзя заходить в такой сложный документ, не определив концептуально выбранную пространственную модель города. Я – за моделирование на стадии концепции. Хотя само слово «мастер-план» – неверный перевод с английского, на самом деле, это именно генеральный план. Поэтому генплан или мастер-план – нелепо спорить, а вот последовательность «концепция, генплан, ПЗЗ, проект планировки» должна быть соблюдена и дополнена взаимосвязями. Ведь если мы сегодня об этом говорим – значит, сформировался определенный управленческий запрос на документы более конкретные на каждом этапе планирования развития территорий.

Сергей Бобылев, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская С.Ю. Бобылева»:

– Не уверен, потому что сегодня есть определенное строительное лобби, которое внушает: генеральный план мешает, затрудняет инвестиционный процесс, а мастер-план для этих целей годится. И часто речь идет не о трансформации, а о замене одного другим.

Евгений Домрачев, главный архитектор, председатель Комитета по архитектуре и градостроительству Ленинградской области 2010–2018 гг.:

– В этой ситуации в разы возрастает роль Союза архитекторов. Вспомните того же Александра Ивановича Наумова, когда он возглавлял здесь Союз архитекторов. Это была номенклатурная должность, кандидатуру утверждали в обкоме партии. А сейчас мы имеем некий междусобойчик, по всей стране Союз архитекторов насчитывает 12 тысяч

Города-спутники в пригородной зоне
(из личного архива А.И. Наумова)Предложение по организации отдыха в пригородной зоне
(из личного архива А.И. Наумова)

человек, это же смешные цифры. И статус соответственный: на съезд архитекторов России пришел заместитель главного архитектора Московской области, вот и все уважение к профессии. Поэтому численность союза надо увеличивать. Отработал два года в профессии – принимаем. И когда в Союзе архитекторов будет не 12, а 120 тысяч, отношение к нему сразу изменится. Я уж не говорю про взносы. (Улыбается.)

Сколько нужно профессионалов

Виктор Наумов, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, партнер юрфирмы Dentons, руководитель проекта «Сохраненная культура»:

– Так сложилось, что в силу своей профессии я довольно далек от вопросов практической архитектуры и градостроительства. Хотя мой дед по линии отца –

Александр Иванович Наумов – более 30 лет занимался генеральными планами Ленинграда. А моя бабушка по линии матери – Александра Викторовна Махровская – один из крупнейших в Советском Союзе специалистов по реконструкции исторической застройки. Поэтому мой вопрос может показаться не совсем профессиональным. И все-таки: мы говорим про недостатки законодательной базы, «перекрашивание» территории

(поверьте, это заметно всем, не только специалистам), ссылаемся на строительное лобби и некомпетентных «мальчиков и девочек» в министерствах. Но они – всего лишь «эффективные менеджеры», для них это управленческая ляжка. Сколько нужно профессионалов, градостроителей и академиков, чтобы эту стену пробить?

Николай Иевлев, директор НП «Северное кольцо России»:

– Дело не в количестве. В прошлом году в Петербурге отмечали столетие сразу двух крупных научных школ – Государственного оптического института им. Вавилова (ГОИ) и Физико-технического института им. Иоффе. И если мы вернемся на сто лет назад, в 1918 г., то тогда академик Дмитрий Сергеевич Рождественский в одиночку пошел к Луначарскому и получил автографы на создание сразу двух институтов. Просто он сумел доходчиво объяснить представителю государственной власти, что стране нужны определенные вещи, в его случае – оптические и радиотехнические приборы. Поэтому академик достаточно одного. А если говорить про науку, то перед перестройкой мы делали некую аналитическую работу и выяснили, что

в Ленинграде тогда находилось около 770 научно-исследовательских институтов, отраслевых, научно-исследовательских системы РАН, образовательных и так далее. Сейчас даже те, что остались, существуют скорее на бумаге, там есть директор, бухгалтер и заместитель директора, который сдает площади в аренду. Это уже не НИИ и совсем не НПО, коллеги.

Евгений Домрачев, главный архитектор, председатель Комитета по архитектуре и градостроительству Ленинградской области 2010–2018 гг.:

– Тут можно пройти по нашей отрасли: «Ленгипрогор», он же Институт урбанистики – банкрот, «Гражданпроект» нет – банкрот, в «Ленпроекте» от 3 тысяч сотрудников осталось 600 человек.

Сергей Бобылев, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская С.Ю. Бобылева»:

– Ну и о какой системной агломерации можно говорить после этого? Такой серьезный процесс не может проходить без научной поддержки. Где градостроительная наука, где научный анализ вариантов развития, кто его будет делать?

Евгений Домрачев, главный архитектор, председатель Комитета по

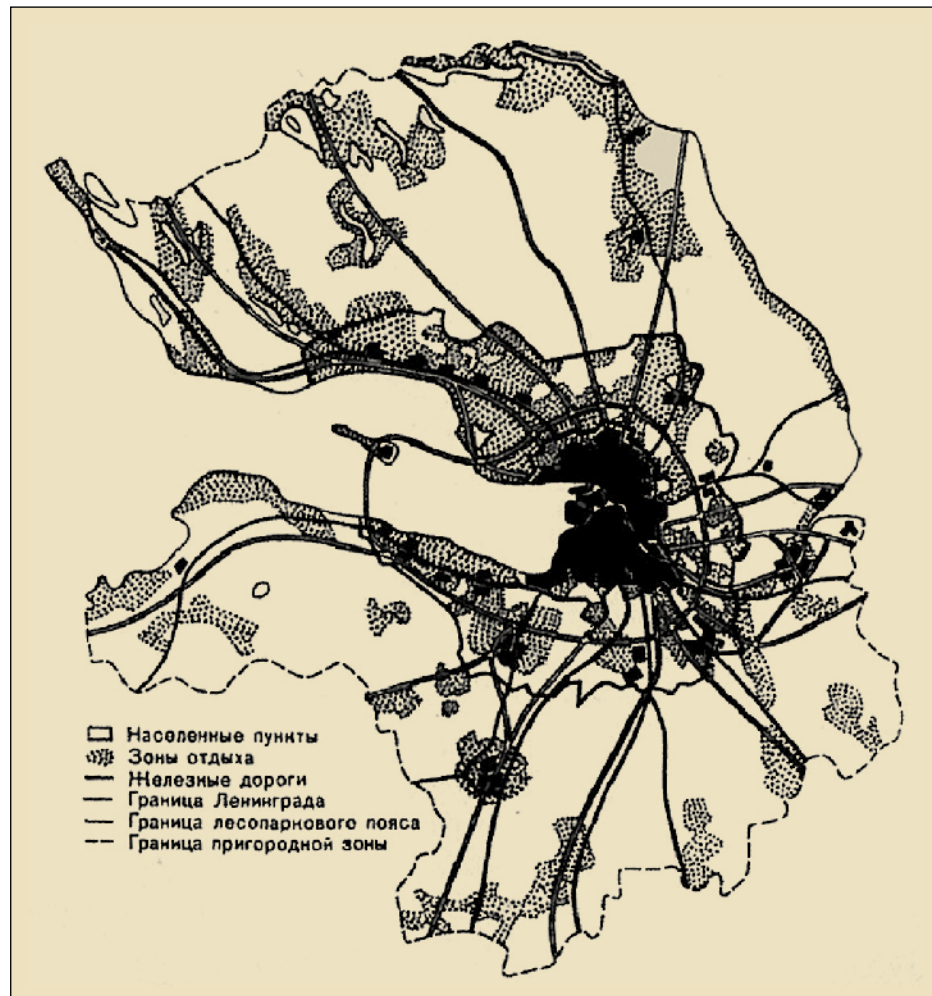
архитектуре и градостроительству Ленинградской области 2010–2018 гг.:

– В Ленинграде и области было сосредоточено 20% ВПК, который сопровождали различные отраслевые НИИ. Сегодня потребности в этом нет, в то же время Санкт-Петербург, как и Москва, стягивает население со всей страны, до 50% жилья покупается иногородними. Эйфория переселения проходит, в среднем, через 3–5 лет. Дальше люди начинают задумываться. И обнаруживают, что с работой даже в таком мегаполисе огромные проблемы.

Где живут программисты

Александр Викторов, председатель Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга 2004–2008 гг.:

– Жилье покупается не только и не столько в городе. Что мы видим в таких крупных мегаполисах, как Москва и Петербург? Области, и Московская, и Ленинградская, прирастают жильем к границам соседнего субъекта. Возводятся муравейники, многоэтажные монстры с дешевыми квартирами и нерешенными транспортными проблемами. В Москве

Зоны отдыха в лесопарковом поясе
(из личного архива А.И. Наумова)

это Красногорск, у нас – Девяткино. И вот люди живут там, а работают в мегаполисе. В пригородной зоне новые рабочие места практически не создаются, и, как следствие, не формируется комфортная среда проживания, не решаются проблемы здравоохранения, образования, культуры, спорта, отдыха. Мой московский секретарь однажды спросила: «Александр Павлович, угадайте, сколько времени я ехала с работы домой?» Оказалось, 8 часов! Она живет на окраине Москвы, а мы работали в центре. Ну и какой в этом всем смысл, где результат разумной агломерации?

Елена Чугуевская, управляющий директор Российского института градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор», действительный государственный советник РФ 2-го класса:

– Есть естественный процесс урбанизации, это общемировая тенденция, как бы мы с ней ни боролись. В мире, конечно, нет такого термина «сетевая агломерация». Есть территориальная система и агломерация как крупный город. Вообще, по международным стандартам, агломерация – это город, поглотивший пригороды. Поэтому у нас, если учитывать советский принцип 2-часовой доступности, это больше территориальная система. В то же время в стратегии пространственного развития РФ выделена поддержка развития крупных городских

агломераций, но при этом она должна быть очень корректной по отношению к другим территориям. Потому что сам процесс может принести сколько плюсов, столько и минусов. На самом деле, речь идет о переходе к управляемому сжатию страны, когда мы создаем лучшие условия жизни в городских агломерациях и сознательно способствуем опустыниванию части территорий страны. Сегодня профессиональная дискуссия идет именно об этом: какой путь государственного регулирования мы выберем, ведущий к управляемому сжатию или к некоему балансу между урбанизированными и неурбанизированными территориями и их совместному развитию?

Сергей Бобылев, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская С.Ю. Бобылева»:

– А тем временем в Петербург приезжает пассионарно более сильное население, чем то, которое родилось здесь. И значит, будет происходить выдавливание коренных жителей.

Виктор Наумов, старший научный сотрудник Института государственного права РАН, партнер юрфирмы Dentons, руководитель проекта «Сохраненная культура»:

– Я бы не хотел давать столь мрачные прогнозы. На мой сугубо потребительский внешний взгляд, у города есть шанс использовать все, что связано с программированием и обработкой данных. Отрасль стремительно развивается сегодня и не требует ни серьезных площадей, ни

большого ресурса электроэнергии, ни огромного количества воды, как, например, при производстве алюминия. Нужны мозги и ограниченное оборудование, плюс телеком-каналы. А это у нас есть.

В начале 2000-х гг. я как юрист обслуживал крупнейшую компанию, тогда еще финскую, которая называлась «Технополис». И присутствовал на переговорах с руководством города и отрасли. Там демонстрировалось громадь наших планов, показывался проект ЗСД, тогда еще нереализованный. Финны вежливо кивали, смотрели на карту и под конец задали вопрос, который ввел нашу сторону если не в нокаут, то в нокадаун. Они спросили: «А где у вас любят жить программисты?» В течение минуты воцарилась полная тишина, чиновники вообще сначала не поняли, о чем идет речь и при чем тут программисты. Сейчас ситуация все-таки поменялась. И отрасль программирования стала одним из векторов развития. Не производство «железа», естественно, – мы выбыли из рынка производителей аппаратного обеспечения, но вполне можем производить все, что связано с добавочной стоимостью от мобильных приложений и той же сети «ВКонтакте».

Владимир Жуйков, руководитель проектов ООО «Северо-Запад инвест»:

– По сути, мы сейчас пытаемся сформулировать стратегию пространственного развития Санкт-Петербурга, которой пока нет. Отсюда и все проблемы ны-

нешнего и будущего генплана, который уже стоит на повестке дня. Сегодня мы довольно много говорили о том, что из документа стратегического развития генеральный план города превратился в способ решения тактических задач. И это совершенно неправильно. Нужны перспективы, направления, векторы развития. Они могут до конца не реализовываться, но они должны быть обозначены. Причем достаточно четко, на уровне директив.

На мой взгляд, следующий генеральный план нужно делать по совершенно новой, перспективной методике. Для этого есть все юридические основания, о чем уже говорил Александр Павлович Викторов. Если вчитаться в Градостроительный кодекс, то совмещение таких понятий, как схема территориального планирования и генеральный план муниципального образования, является очень важным методическим инструментом, который сейчас никто пока не использует. Хотя у Сергея Дмитриевича Митягина была идея сделать 2-стадийный генплан: этап стратегического планирования, а потом фрагментами разрабатывать планы муниципальных образований, округов, районов. И первая часть, стратегическая, должна быть разработана на основе открытого конкурса, чтобы творческие коллективы попытались найти перспективные направления развития. В результате должны появиться новые идеи, адекватные задачам сегодняшнего дня.

